

МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА МОДЕРНИЗАЦИИ КИТАЯ И «ЮЖНО-АЗИАТСКИХ ТИГРОВ»¹

Л.И. Никовская
(Россия, Москва)

Аннотация. В статье дается анализ характера модернизационных процессов в современной России, рассматривается конкретный опыт аналогичных модернизационных процессов в Китае и стран-лидеров Южно-Азиатского региона.

Annotation. The author analyzes of modernization processes in modern Russia. The particular experience of similar processes modernization in China and leading countries of the South Asian region are considered.

Ключевые слова: публичная политика, модернизация, опыт.

Key words: the public policy, modernization, experience.

Главные сложности и противоречия перехода к системной модернизации страны заключаются, думается, в содержательной непроясненности целей и задач предполагаемых качественных изменений: «Хотя власть официально провозгласила курс на модернизацию, никто не пытается строго научным образом определить это понятие, а политики и эксперты, говоря о ней, обычно указывают на малозначительные или вообще не имеющие отношения к делу обстоятельства, – отмечает В. Иноземцев. – «Часто приходится слышать, что модернизация нереализуема без демократизации и политических реформ; утверждается, будто она должна быть постиндустриальной и ее судьба, в конечном счете, решится в сфере инновационных технологий; подчеркивается, что о модернизации нечего и рассуждать, если на первый план не поставлено развитие науки и образования. Все эти красивые слова, увы, не проясняют ни целей, которые мы перед собой ставим, ни ближайших шагов, которые могут превратить модернизацию из досужей мечты в повседневную реальность» [6]. Представляется важным понять, что включает в себя системная модернизация – догоняющее развитие, или преимущественно инновационное, или то и другое вместе, и какова роль в этих процессах отводится социально-политическим факторам – демократизации политической системы, «укоренению» демократических институтов и ценностей, привлечению и использованию ресурсов и возможностей гражданского общества и бизнеса, факторов человеческого и социального капитала.

В нынешней ситуации явного отставания от технологически развитых стран логично обратиться к опыту успешно развивавшихся экономик, стартовавших с нашего уровня отставания. Они отнюдь не начинали с развития инноваций. Напротив, они заимствовали технологии у развитых стран. По мнению многих экспертов, это была очень реалистичная и верная стратегия. Она не отвергала принципиально инновации, но давала возможность четко представить, что разработка нового – достаточно дорогое удовольствие, особенно в условиях кризиса. Скорее, опора на заимствование в кризисной ситуации гораздо выгоднее! При нашем отставании от передовых стран на первоначальном этапе надо делать основную ставку на заимствование и адаптацию уже разработанных технологий, повышая эффективность производства. В этом и состоит развитие, и только на этом пути возможен успех модернизации (т.е. обновления нашего производственного аппарата) на начальных этапах. К этому склоняется

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ №10-03-00109 «Экономический кризис и социально-политические аспекты инновационного развития России».

наш Президент, заявивший, что «модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможно только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично... Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки и Азии» [7, с. 5]. Так откровенно и честно до Медведева еще никто не говорил из высших должностных лиц. Но по мере приближения к «технологической границе» развитых стран, требуется, как показывает мировой опыт, во все большей и большей степени переключаться на инновации, т.е. создавать технологии и продукты, которые еще не созданы в других экономиках. Япония поступала именно таким образом, как и все другие быстро развивавшиеся страны [9].

Институциональное отставание, опора на бюрократическую мобилизацию хорошо работают в условиях *догоняющего типа модернизации*. Институты, которые не соответствуют рыночному идеалу, на самом деле, как показывает опыт Восточной Азии, а в последние годы и опыт СНГ, неплохо обеспечивают экономический рост в период, когда страна имеет *потенциал догоняющего развития*, т.е. когда развитие во многих отраслях происходит на основе технологических заимствований и инвестиций из-за рубежа, и когда страна еще не достигла мировой технологической границы, вблизи которой она вынуждена будет переходить к развитию за счет внутренних инноваций.

Но эти нестандартные институты развития перестают работать в процессе приближения страны к мировой технологической границе. Если мы посмотрим на Японию, то 20 лет назад казалось, что быстрое японское развитие ничто не сможет остановить. Но когда японская экономика действительно утратила возможность развиваться за счет заимствований извне, когда ее предприятия вышли на мировую технологическую границу, а она сама вышла на стадию постиндустриального развития, выяснилось, что ее замечательные традиционные, немодернизированные институты всерьез и надолго остановили экономический рост. Япония – это пример тотального кризиса, связанного с неэффективностью нетрадиционных институтов для стран на стадии постиндустриального развития и вблизи мировой технологической границы. И это показывает, что без модернизации таких институтов в соответствии с требованиями развитых стран успешное развитие на постиндустриальной стадии оказывается практически невозможным.

Корея в последние годы демонстрирует другой пример. Как только Корея столкнулась с похожими ограничениями, как Япония, первое, что они начали делать – модернизировать свою систему. Они сильно изменили политическую систему, принципиально изменили ситуацию в финансовом секторе. С точки зрения благоприятности условий и конкурентной среды для малого бизнеса, Южная Корея сейчас по последним рейтингам – одна из самых продвинутых стран в мире, они очень быстро реализуют институциональные реформы и, в отличие от Японии, смогли избежать резкого замедления темпов роста в процессе вступления в стадию постиндустриального развития.

В качестве успешного примера создания институциональных условий для инновационной национальной системы можно привести Китай. Исторически страна развивалась так, что главенствующее место в экономике играли очень крупные предприятия. Сейчас Китай стремится переместить центр экономических деятельности из этих очень крупных и неповоротливых предприятий в небольшие компании, которым свойственен дух предпринимательства. Именно эти небольшие, венчурные компании и будут проводниками инноваций в китайскую экономику. Китай сегодня – это быстро меняющееся общество, самое динамичное в современном мире. Современный Китай представляет собой совершенно новое общество, не похожее на то, которое пытались построить в 1950–1960 гг. председатель Мао и его сторонники. В настоящее время в Китае экономический рост и личное процветание стали высшими приоритетами государства и правящей партии. В китайской экономике, которая официально именуется социалистической рыночной, есть место для иностранного капитала, частного предпринимательства, семейных ферм и т.д. Китай создал продуманную систему ротации элиты. Эту плодотворную идею выдвинул и претворил в жизнь Дэн Сяопин. Суть ее состоит в необходимости решения проблемы мирной передачи власти в

партии и государстве за счет своевременного ухода на пенсию ветеранов и замены их новыми поколениями руководителей. В настоящее время в КПК действует норма, в соответствии с которой Генеральный секретарь имеет право находиться на своем посту не более, чем два срока, т.е. 10 лет. Переизбранный в 2007 г. на эту должность Ху Цзиньтао может, таким образом, руководить партией и государством только до 2012 г., когда его обязан сменить кто-либо из представителей так называемого «пятого поколения» китайских руководителей. Китайские власти также целеустремленно продвигаются с решением вопроса о формировании институтов правового государства, что связано с необходимостью создания благоприятного климата для зарубежных инвесторов и национального капитала. В последние годы происходит постепенная деполитизация законности и права. Руководители страны в постмаоистский период искренне надеялись на то, что новый прозрачный правопорядок и беспристрастный суд сделают политический курс Китая более предсказуемым и будут способствовать привлечению в страну иностранных инвестиций. Утверждение идей верховенства права, равенства всех перед законом привели страну к заметным сдвигам в образе мыслей и поведении китайских граждан. Важные поправки к Конституции были приняты в 2002 г. В соответствии с одной из них правительство гарантировало нерушимость прав легально приобретенной частной собственности. А вторая утверждала, что «китайское государство уважает и защищает права человека». Тем не менее существует еще огромное поле деятельности для превращения Китая в подлинное правовое государство, что не скрывают китайские эксперты и специалисты – проблемы коррупции, наличие административных барьеров между правительственными структурами и гражданами, малым бизнесом и др.

Политическая культура современного Китая довольно быстро меняется, стремясь соответствовать тем динамическим процессам, которые происходят в социальном пространстве. Все более важную роль в нем начинают играть ценностные ориентации образованных людей, живущих в крупных современных мегаполисах, участвующих в деятельности, связанной с бурно растущей рыночной экономикой. Социальные последствия реформы только сделали более рельефным неомогенный характер политической культуры, в которой политические ожидания разных групп общества не совсем совпадают. В сложившихся условиях авторитарная умеренная власть рассматривается многими в качестве необходимого инструмента для стабилизации ситуации и предотвращения опасного социального взрыва. Однако запасы прочности у авторитарных методов регулирования социальных отношений в быстро модернизирующихся обществах не являются неисчерпаемыми. Справедливость этой истины постепенно осознается политическими элитами современного Китая.

Наиболее вероятным сценарием дальнейшего развития событий в КНР является медленная, поступательная демократизация «сверху», основным актором которой выступит коммунистическая партия. Революция «снизу» маловероятна в силу крайней слабости гражданского общества, что объясняется политико-культурными особенностями Китая. Концентрация на длительный срок всей власти и ответственности в руках неподвижных авторитарных политических институтов также маловероятна из-за существенной динамики экономических и социальных процессов в этой стране.

Быстрое экономическое развитие Китая, достигнутое на основе рыночных отношений, рост образовательного уровня населения, глобальная коммуникационная революция создают неплохие предпосылки для демократизации политической системы Китая в неотдаленной перспективе.

Китайский опыт учит уважительному и бережному отношению к своим культурно-историческим традициям. И еще – он первым отказался от ортодоксальных трактовок социализма. Социализм в китайском обществе стал инструментом поиска ответов на современные вызовы. Таким образом, страны Восточной Азии двигались к успехам своих модернизаций постепенно, целеустремленно и комплексно. Эксперты, рассматривая опыт модернизаций этих стран, говорят о двух волнах модернизации. Первая волна – это авторитарные диктатуры, это режимы, которые можно называть «диктатурами развития», Тайвань и Южная Корея. Их экономический рост на-

чинается на рубеже 1950–1960-х гг., а к середине 1960-х они входят в период необыкновенно интенсивного экономического роста, когда они лидируют в мире по темпам экономического роста. К концу 1980-х гг. они достигают уровня среднеразвитых стран, и тогда в них происходят политические реформы, меняется политическая структура. Авторитарные режимы в Сеуле и Тайбэе свержаются, после чего эти страны превращаются в политические демократии. Происходит это около 1990 г. Правда, с этими «диктатурами развития» произошла интересная история. Дело в том, что любая по-настоящему успешная «диктатура развития» совершает медленное политическое самоубийство (если, конечно, она успешна и достигает своей главной цели – самого развития). Потому что по мере экономического развития неизбежно формируется средний класс. Неизбежно растет уровень образования. Рано или поздно в обществе формируются силы, которые вовсе не готовы согласиться с авторитарным стилем управления; появляются люди, которые хотят участия в политической жизни, которых раздражает примитивная и лживая официальная пропаганда, и люди, которые не помнят того хаоса и нищеты, которые существовали за несколько десятилетий до этого. И на Тайване, и в Южной Корее это произошло практически синхронно, поэтому в 1980-е г. и на Тайване, и в Корее разворачивается движение за демократизацию. Основа движения – новый средний класс, его молодая часть, и студенчество, т.е. те люди, о которых я только что сказал. К концу 1980-х гг. оно побеждает, и происходят политические реформы. Авторитарные режимы уходят из власти, эти страны превращаются в классические либеральные демократии [8].

Условно говоря, люди 1920–1930-х гг. рождения принимали диктатуру Пака в Корее, диктатуру Чан Кай-ши и его сына-преемника Цзян Цзянь-го на Тайване, отлично видя и их фальшь, и их ложь. (Любопытно, что отец тайваньского экономического чуда был председателем подмосковного колхоза, а потом руководил многотиражкой на «Уралмаше», и жена у него была русской, не так давно умерла, вот такая была у Цзян Цзянь-го интересная биография.) Потому что они помнили, что такое настоящий голод и что такое настоящий хаос. Но люди, родившиеся в 1950-е и особенно в 1960-е гг., принять эти авторитарные режимы уже не могли. Рассказы о вкусе вареной в голод сосновой коры, рассказы о северокорейских танках, которые ездят по улицам южнокорейских городов, рассказы о панической эвакуации через тайваньский пролив были для них уже поднадоевшими папиными историями. И они, выросшие в годы бурного роста, воспринимают новую жизнь, жизнь с определенным уровнем дохода, комфорта, как нечто нормальное. Рекордный экономический рост им казался естественным состоянием. Им уже недостаточно одного только порядка на улицах и чашки риса с мясом. Они хотят большего, в том числе гражданских свобод и политических прав. И честной прессы. И много еще чего. Поэтому в 1980-е гг. на Тайване и в Корее и разворачивается движение за демократизацию как было сказано чуть выше.

В Китае мы наблюдаем сходные процессы. Сегодня все больше становится ясным, что переход к демократии в стране будет постепенным процессом «реформ сверху» – конкурентные выборы в деревнях, расширение полномочий локальных собраний народных представителей, развитие элементов правового государства и др. По мнению профессора Стэнфордского университета Майкла Оксенберга, за этим сценарием стоит определенная реальность: «Политические структуры Китая, кажется, на самом деле глубоко укоренены в обществе. В то же время некоторые ключевые их элементы достаточно уязвимы и могут быть подвергнуты довольно быстрой дезинтеграции. Наконец, глубокие и фундаментальные экономические, технологические и социальные изменения ясно и недвусмысленно ведут Китай в новую политическую эру» [16, р. 350].

По мнению приверженцев теории азиатской модели, авторство которой приписывают бывшему руководителю Сингапура Ли Кван Ю, именно авторитарные методы управления и в Китае, и в Сингапуре содействовали более высоким темпам экономического роста стран. Кроме того, эта модель, обеспечивающая более высокую степень порядка и дисциплины, лучше подходит для азиатских обществ, чем западная, порождающая хаос и нестабильность.

Аргументированная критика концепции Ли Кван Ю дана нобелевским лауреатом в области экономики 1998 г. Амартия Сеном. По его мнению, «отсутствуют эмпирические данные, которые свидетельствовали бы в пользу того, что авторитарное правление и подавление политических и гражданских свобод в действительности содействовало экономическому развитию. Систематические эмпирические исследования (например, Роберта Барро и Адама Пшеворского) не дают ни одного аргумента в пользу того, что существует конфликт в отношениях между политическими правами и экономической эффективностью. Если обобщить все сравнительные исследования, то окажется, что гипотеза об отсутствии очевидных связей между экономическим ростом и демократией остается крайне неубедительной» [17, р. 6–7].

Похожую позицию по этому вопросу занимает Ф. Фукуяма. Однако он считает, что не само по себе экономическое развитие порождает политическую демократию. Связь между этими элементами является более сложной. Современная рыночная экономика порождает людей с новыми потребностями, и одной из важнейших становится стремление к признанию со стороны других в качестве более «взрослых». Оно достигается только через участие в политической системе. Удовлетворить данную потребность ни одно авторитарное государство не может по определению. Быстрое экономическое развитие Китая, достигнутое на основе рыночных отношений, рост образовательного уровня населения, глобальная коммуникационная революция создают неплохие предпосылки для демократизации политической системы Китая в неопределенной перспективе.

Российское общество оказалось перед императивом «креативной модернизации», не решив задач «первичной» модернизации, призванной освободить социум от традиционалистских и тоталитарных наслоений, очистить от деформаций «дикого капитализма», провести реиндустриализацию страны [4, с. 41–44]. Стране нужна «вторая индустриализация», ибо около половины ее промышленного потенциала, созданного в советское время, уже погибло, а вторая половина устаревает такими темпами, что через 7–10 лет погибнет и она, в особенности если страна полностью откроется, вступив в ВТО [15, с. 3]. Два вида модернизации – «первичная» и «креативная» – неразделимы во времени. В этом состоит главная трудность нынешнего этапа российской реформации. В подобных условиях первостепенное значение приобретают воля и профессионализм политических лидеров, их способность адаптировать политику к зигзагам противоречивого развития, компенсировать неординарными решениями издержки исторических инверсий.

Таким образом, сегодня дилемма стоит крайне остро: нам нужна индустриальная модернизация, которая должна пройти при крайне жесткой роли государства, его давлении на бизнес и принуждении к соблюдению современных стандартов, применяемых в европейских странах, в политике необходимо опираться на либеральные автократии, поскольку именно они доказали свою экономическую эффективность в экономически неуспешных странах (Вл. Иноземцев) [5, с. 4]; или нам нужна постиндустриальная модернизация с ярко выраженной инновационной составляющей, ведущей к экономике знаний, в политике мы должны опираться на демократический режим и ценности, основанные на «свободе и достоинстве индивида, раскрепощении его творческих способностей, энергии и инициативы» (И. Юргенс, Е. Гонтмахер) [11]. Демократизация – это драйв перемен.

При рассмотрении индустриализации 1920–1930-х гг. прошлого столетия в бывшем Советском Союзе возникает вопрос: почему преимущественно аграрное («прединдустриальное») по структуре и традиционное по сознанию общество, сильно люмпенизированное, сумело воспринять индустриальную технологию, которая создавалась в условиях развитого рыночного хозяйства, зрелого гражданского общества, которого не было в помине в России начала 1930-х гг.? Почему российский казарменный коммунизм смог осуществить раннеиндустриальную модернизацию, сплотившись потом о порог позднеиндустриальной модернизации и потерпев поражение под напором постиндустриализации?

Индустриальная технология в своем раннем возрасте адекватна капитализму. Конечно, в России использование индустриальной технологии преломилось сквозь призму российских традиций, в частности, полного подавления, растворения личности человека в общей массе людей-винтиков, а не только в процессе труда. Но в целом деспотическая природа индустриальной технологии вполне соответствовала сталинской системе, поэтому ей удалось без внутренних разладов с собой создать и использовать собственную тоталитарную технику или применить импортированную из развитых стран [2, с. 21–34]. Разлад начался тогда, когда пришлось взывать к патриотизму и таланту физиков, разрабатывая в спешном порядке собственную атомную бомбу, т.е. переходить на более высокую ступень технологии, а значит, и личной свободы человека.

Постиндустриальная экономика, основанная на инновациях, вряд ли совместима с жесткой и тем более неэффективной автократией. Не надо забывать, что призывы к системной модернизации мы стали рассматривать как послекризисный проект. Серьезный кризис не просто дает шанс новому или ранее маргинальному. Устойчивый выход из него возможен только усилиями тех субъектов, которые формируют существо нового этапа. Но заранее сказать, какие это будут субъекты, невозможно. Именно поэтому необходимо дать равные возможности для более широкого круга сторон, чтобы быстрее произошел поиск и переход от спада к оживлению. Реформируя политическую систему на принципах демократии и «укоренения» демократических институтов, мы будем способствовать формированию благоприятных условий для посткризисной модернизации. Попытка жестко защитить механизмы вчерашнего роста способна лишь усугубить проблемы, поскольку предпосылки для такого роста уже исчерпаны.

Далее, практически все модернизации в России осуществлялись по имперской модели [10, с. 15; 13, с. 38]. Они были подчинены, в первую очередь, задачам военно-политической экспансии империи, обороны от внешних врагов и поддержания статуса великой державы, а вовсе не решению внутренних проблем, тем более не повышению народного благосостояния. Если такие цели и ставились кем-то из модернизаторов, то лишь во вторую очередь, как некое желательное, но не обязательное «дополнение» к решению первоочередных задач. Ядром имперской модернизации было создание мощного военно-промышленного комплекса: сильной армии, оснащенной хорошим вооружением, и обслуживающих ее производств. Для осуществления такой модернизации привлекались лучшие умы и руки, отечественные и зарубежные, а сами технологии и техника закупались в обмен на сырье или продукты его первичной переработки. Имперская модель модернизации порождала удивительное сочетание самого передового в науке и технике с отсталым, даже архаичным в экономике и повседневной жизни, высочайшей культуры – с вопиющим бескультурьем и невежеством. Прогресс, реализация смелых технических и архитектурных проектов в России уживались с потрясающе пренебрежительным отношением к человеческой жизни, полным неуважением к личности человека. Вот и сегодняшний проект Сколково, с его особой зоной идеальных правовых норм, особого уклада, где все будет способствовать процветанию науки и инноватики, но при этом «погруженный» в системную практику, представленную «синдромом Кушевки», напоминает движение в этом направлении. Таким образом, уже первая попытка создания на территории Сколково российской «силиконовой долины», генерирующей прорывные инновационные идеи, показала, что технологические новации неразрывно связаны с социально-политическими и правовыми преобразованиями. Сразу же обнаружилось, что для функционирования «креативного очага» высоких технологий нужно либо изменять федеральное законодательство (налоговое, таможенное, градостроительное, регистрационное), либо устанавливать на этой территории особый правовой режим (своего рода «инновационный оазис» в национальной экономике). И самое главное – единственный проект, подобный Сколково, даже самый продвинутый, не может сдвинуть с места решение главного вопроса инновационной модернизации – серьезных, системных изменений в условиях формирования и функционирования человеческого и

социального капиталов, без которых невозможно вести речь об осуществлении системной модернизации общества, нацеленной на «экономику знаний» и создание национальной инновационной системы.

Если задаться вопросом, а существует ли субъект колоссальных модернизационных проектов, готово ли общество или какая-либо из его социально-значимых групп к такого рода стратегическим усилиям, то ответ будет скорее отрицательным, поскольку, как показывают системные социологические исследования, мы имеем дело с незавершенностью социальной модернизации эпохи «модернити». Для задач модернизации это означает фактическое отсутствие в массовых слоях населения готовности действовать сообща и отстаивать свои интересы. Так, с позицией «для того, чтобы добиться чего-то важного, следует действовать сообща, вместе с другими, у кого те же проблемы», – из года в год соглашается половина респондентов. И практически столько же (48–50 % в разные годы) соглашаются с тем, что отстаивать свои интересы можно, только рассчитывая на собственные силы. В результате вместо осуществления каких-либо действий для отстаивания своих групповых интересов большинство населения просто ждет, что государство по доброй воле учтет их пожелания. Это говорит о том, что пока в России в массовых слоях населения так и не произошло формирования групп интересов [1, с. 44]. Иными словами, мы имеем дифференциацию общества, плюрализацию интересов составляющих его групп и отдельных индивидов, даже осознание этой плюрализации, но это пока не привело к осознанию большинством россиян общности своих интересов с интересами конкретного социального класса или иных социальных групп макроуровня и попыткам солидарно отстаивать эти интересы с использованием соответствующих институциональных возможностей. А ведь именно это, собственно, и является основой гражданского общества, которое возникает там, где осознание плюрализма интересов членов общества доходит до осознания общности собственных интересов с интересами других социальных групп и совместными выступлениями в их защиту. При такой ситуации огромная ответственность ложится на качество государственного управления, на способность политического класса подчинить действия бюрократии целям стратегического развития страны для того, чтобы она из инструмента управления не превратилась в управляющую силу.

Россия сейчас переживает стремительную социальную поляризацию, ведущую к вызреванию классического классового конфликта в марксовом варианте (о напряженном проявлении конфликта труда и наемного капитала не перестают говорить сегодня все СМИ) [12]. Прimitивная дифференциация населения, при которой большинство принадлежит к низшему нищему слою, препятствует процессам формирования групповых интересов и консолидации их в различные политические институты и общности для реализации этих интересов. Для успешного развития процессов гражданской самоорганизации в обществе должен существовать довольно широкий и стабильный средний класс. Однако, как показал опыт последнего десятилетия, российский вариант либеральной модернизации способствует зарождению и укреплению бюрократического капитала как основной формы коммерциализации отечественной экономики. При этом интересы «верхов», элит осознаны и представлены в гораздо большей степени, чем интересы основной массы населения. Кроме того, интересы «низов» имеют тенденцию восприниматься в патерналистском духе – как продолжение интересов тех или иных элитных групп. Вертикальная организация общества все еще преобладает над горизонтальной – вне иерархических связей оно по-прежнему аморфно. Соревновательность разнонаправленных групповых интересов работает пока еще слабо, нарастание вертикального неравенства приводит к «растворению» групповых интересов в элитистских, либо в классовых. Правящий класс в целом сохранил свои позиции, устранив лишь верхний эшелон старой политической системы. Незавершенная демократизация породила некий гибрид, соединивший черты демократии и авторитаризма, называемый политологами *делегативной демократией* (Г.О'Доннелл), *плебисцитарной демократией* (Ю.А. Красин, А.А. Галкин, Э.Н. Ожиганов).

Значительную роль в инновационном развитии страны играет степень развитости представителей малого и среднего бизнеса. Из мировой практики известно, что многие оригинальные инновационные решения генерирует малый и средний бизнес (МСБ), который характеризуется высокой восприимчивостью к новшествам. Из 60 крупных открытий XX в. 48 были разработаны МСБ. К ним относятся такие фундаментальные открытия, как микропроцессоры, персональный компьютер, сканер, телефакс, двигатель Ванкеля, водолазный скафандр и многие др. В России МСБ за последние 20 лет так и не сумел поднять голову под давлением бюрократически-криминального прессы.

Может, стоит рассчитывать на наши частные и государственно-частные монополии? Среднемировая прибыль на капитал сегодня составляет порядка 9 % в год. Наши же монополии привыкли без особых хлопот получать 100, 300, 500 и более процентов годовой прибыли. Частные нефтедобывающие компании в Саудовской Аравии получают примерно 10 % от природной ренты. Наши получают 60–70 % и в растущих масштабах переводят эти средства за границу. Пока нам не удастся согнать уровень прибыльности наших монополий до общепринятого мирового, надеяться на автоматический механизм модернизации российской экономики бесполезно. А можем ли мы оживить, разбудить российское общество, сформировать его модернизационную активность без того, чтобы не отстроить действенную систему местного самоуправления?

Пока создается впечатление, что противников у модернизации больше, чем сторонников. Это весьма определенный круг, четко обозначенный Президентом Д.А. Медведевым: влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимаящих «предпринимателей», которые хорошо устроились, у которых «все есть». Этим политическим силам, использующим ресурс административной ренты и экономики «нефтегазовой трубы», использующим разного рода коррупционные схемы, вполне по душе нынешний, сырьевой характер российской экономики, и неразвитость политических институтов, и гражданская апатия общества. А поскольку эти силы действительно влиятельны, то ради сохранения своего «статус-кво» они задействуют все, что только возможно: административно-государственный диктат, мощь электронных СМИ, отвлекающих людей от жизненных проблем разного рода чернухой и «развлекухой», внедрение в общественное сознание настроений апофигизма и потребительских псевдоценностей. Именно в интересах этих сил обществу настойчиво подбрасывают идеи, что Россия не создана для демократии, что парламент – это «не место для дискуссии», что оппозиция – нечто ненужное и ни на что не способна, да и вообще не надо «заморачиваться» политикой, ибо все равно изменить ничего нельзя... Одна из ключевых задач политической модернизации в том и состоит, чтобы переломить подобные крайне опасные, антидемократические тенденции, вдохнуть жизнь в политические институты, дать людям веру, что от них в России все-таки очень многое реально зависит.

Можно ли говорить о наличии у нас «диктатуры развития»? Думается, ответ очевиден. Одна из самых серьезных угроз российскому государству и обществу – всеобъемлющая государственная и политическая коррупция, пронизывающая все органы и институты общества. Коррупция – это порождение государственной бюрократии. Борьба с ней и ее ограничение – объективная необходимость сохранения российского государства.

В России создана политическая система, гегемоном которой является класс государственной бюрократии – государство для бюрократии и по заказу бюрократии. Произошло постепенное ограничение поля демократических процедур (что заметно, прежде всего, в отмене многих демократических выборных процедур), усиление вертикали государственной власти, сокращение институтов и сферы действия и так небольшого поля гражданского общества. Интересы этой бюрократии часто не совпадают с целями общества и граждан. Резко уменьшается скорость ротации персонала государственного управления. Все более конкретно проявляются признаки клановости и несменяемости высшей политической и государственной элиты: все больше в

ней представителей из Санкт-Петербурга и силовых структур. Решения власти формируются в закрытом режиме, общество ставится только перед фактом принятия важных решений (например, решений по формированию и месте депонирования средств федерального стабилизационного фонда, методов преодоления финансового кризиса, реформы вооруженных сил, проведения в стране Олимпиады и т.д.). Усиление авторитарных тенденций государственная бюрократия пытается представить как «стабилизацию общества» – залог силы процветания государства. Выступление Л. Парфенова на вручении премии им. Вл. Листьева стало серьезным сигналом о том, что в обществе накопился значительный потенциал усталости от имитации и фальши, которые раздражают больше, чем откровенные авторитарные методы. Президентская вертикаль, построенная на жесткой субординации, ведет к бездействию бюрократии, обслуживающей вертикаль, а в итоге к параличу процесса осуществления решений. «Сверху» много говорят о «модернизации» и расширении «качества народного представительства», «снизу» – не верят, потому что решения не исполняются или извращаются. Синдром Кушевки и криминализация власти – признак разложения государства. Система неформальных сделок и торгов достигла своего предела. Россия перескочила этап «застоя» в годы путинского президентства, которое воспринималось как «подъем». Сейчас мы вошли в фазу стремительной деградации. Президент в своем обращении в видеоблоге 24 ноября 2010 г. подтвердил эти тенденции: «Не секрет, что с определенного периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации». Поэтому возникает необходимость поднять уровень политической конкуренции: «Но главная наша задача, задача любой демократии, – повысить качество народного представительства».

Надежды на то, что в системе осталось «окно возможностей» для эволюционных преобразований сверху, могут только затруднить выздоровление, считают многие эксперты [14, с. 7–9], либо сделать его невозможным. Система персоналистской власти выстроена так, что внутри нее вообще не может быть альтернативы. Реальная либеральная (и любая другая) оппозиция в России может быть только внесистемной. Но может ли внесистемная либеральная оппозиция использовать легальные поводы, например, приближающиеся выборы, для того, чтоб заявить о себе, или она обречена на то, чтобы существовать в виде уличного протеста... Креативная экономика, инновационное развитие, вообще творчество нуждаются в свободной атмосфере, т.е. в демократии. Именно таким доводом оперируют сторонники внесистемной оппозиции, утверждая, что сначала в России надо избавиться от авторитарного режима, а уж потом говорить о модернизации и инновационном развитии.

Представляется, что главным тормозом на пути формирования так называемой *креативной модернизации* будут, прежде всего, факторы социально-политического свойства, среди которых главный – характер сформировавшегося в России политического режима, который противоречит требованиям модернизации и тем планам инновационного рывка, что были обозначены в известных выступлениях российских лидеров, особенно в формуле «четыре И: институты, инфраструктура, инновации, инвестиции», сформулированной Д. Медведевым. По мнению большинства отечественных и зарубежных политологов, российский политический режим приобретает отчетливые авторитарно-бюрократические черты, а именно: закрытый характер, исключающий массовое политическое участие; дифференцированную, но не консолидированную элиту (А.В. Глухова, О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Соловьев, Ю.А. Красин, О.Ю. Малинова, А.Ю. Сунгуров, К.Г. Холодковский, В.Н. Якимец и др.).

Создание условий для решения задач *креативной модернизации* требует перехода и к новому качественному состоянию государственного управления, основанному на логике постбюрократического развития, на «менеджменте согласия», на выстраивании коммуникации на основе парадигмы теории политических сетей, исключающих жесткость дихотомии «*господство – подчинение*». Согласно данным Всемирного рейтинга глобальной конкурентоспособности, в России за 2008 г. качество государственного управления ухудшилось [3, с. 42]. Мы сейчас находимся на уровне

25 % наименее развитых стран мира, по многим показателям качества государства характеризующих уровень коррупции, состояние государственного регулирования экономики, эффективность защиты прав собственности. Достигнуть постиндустриальной стадии развития с такими отсталыми институтами практически невозможно. По крайней мере, ни одной стране в мире этого еще не удавалось.

В силу многих причин путь России к демократии долог и тернист. На нынешнем этапе для российского общества характерно противоречие между потребностью в «инновационной модернизации» и преобладающими трендами социально-политического развития. Рост избыточного социального неравенства и «сословное» расслоение общества ведут к усилению авторитарных тенденций и дегуманизации общественных отношений. Но это не застывшее, а живое противоречие, которое испытывает двустороннее давление. Не только авторитарный режим препятствует переходу к более интенсивному развитию, но и потребности модернизации бросают вызовы этому режиму.

«Дилемма одновременности» выглядит сегодня для России даже более актуальной, нежели в начале 1990-х гг., когда она была сформулирована. Необходимость совместить политическую и экономическую модернизации (наряду с модернизацией национально-государственного устройства страны) становится императивом для политиков, заинтересованных в выходе России из авторитарного тупика и понимающих, что демократизация нашей страны неизбежна и необходима.

Таким образом, мировой опыт показывает, что развитие инноваций и национальных инновационных систем требуют «диверсификации» вертикали управления в сторону расширения действия принципов конкурентности, плюрализма, открытости, диалога, т.е. тех принципов, на которых основывает свою деятельность гражданское общество и деловая инициатива. Способность органов власти, бизнеса и гражданских инициатив к партнерству и консолидации во имя внедрения и стимулирования инноваций – один из важнейших критериев постиндустриальной цивилизации, важнейших ресурсов преодоления технологической отсталости.

Решение задач создания предпосылок «креативной модернизации» одновременно с осуществлением «первичной модернизации» в современной России вызывают к поиску «коридора возможностей» между системоизменяющими и системосохраняющими факторами, что возможно только на основе поддержания динамичной системы равновесия. А это очень непростая задача.

Библиографический список

1. Горшков М. К. Готово ли российское общество к модернизации / М. К. Горшков. – М., 2010.
2. Давыдов Ю. Н. Тоталитаризм и техника (власть техники и технология власти) / Ю. Н. Давыдов // Полис. – 1991. – № 4. – С. 21–34.
3. Иванова Н. Как оценить эффективность инновационной политики? – Инновационное развитие регионов / Н. Иванова. – М. : ТПП-Информ, 2009.
4. *Инновационная* модернизация в России : политические очерки / под ред. Ю. А. Красина. – М. : Ин-т социологии РАН, 2011.
5. *Иноземцев В.* Анти-Юргенс / В. Иноземцев // Московский комсомолец. – 2010. – 9 февр.
6. *Иноземцев В.* Призыв к порядку / В. Иноземцев // Свободная мысль. – 2008. – № 10 (1593).
7. *Медведев Д. А.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г. / Д. А. Медведев. – М., 2009.
8. *Модернизация* в Восточной Азии. 1945–2010. Лекция А. Ланькова. – Режим доступа: <http://www.polit.ru/lectures/2010/03/11/Lankov.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. *Публичное* обсуждение группы СИГМА «Как строить модернизационную стратегию России?» – Режим доступа: www.polit.ru/lectures/2008, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. *Российская* модернизация: проблемы и перспективы : мат-лы круглого стола // Вопросы философии. – 1993. – № 7.
11. *Россия XXI века:* образ желаемого завтра. Институт современного развития. – Режим доступа: <http://www.giocenter.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. *Социальная* стратификация российского общества. – М. : ИС РАН, 2003.

13. *Хорос В.* Русская идея на историческом перекрестке / В. Хорос // Свободная мысль. – 1992. – № 6.
14. *Шевцова Л.* Деградация / Л. Шевцова // Новая газета. – 2010. – № 135. – С. 7–9.
15. *Шмелев Н.* У модернизации России «нет картинки» / Н. Шмелев // МК. – 2010. – 3 марта. – С. 3
16. *Oksenberg M.* Will China Democratize? / M. Oksenberg // The global Divergence of Democracies. – Baltimor – London : The Johns Hopkins University Press, 2001.
17. *Sen A.* Democracy as Universal Value / A. Sen // The global Divergence of Democracies. – Baltimor – London : The Johns Hopkins University Press, 2001.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА И ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ

А.П. Лунев, Т.А. Мордасова
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В статье рассматривается гражданское общество как ресурс государственного и муниципального управления. Речь идет о параметрах участия, его объемах, формах и уровнях, факторах, обеспечивающих или затрудняющих влияние институтов гражданского общества на данный процесс.

Annotation. The article considers civil society institutions as a resource for state and municipal government development. The article informs about the parameters of social participation: quantity, forms and stages that are necessary for democratic regime; factors that favor or trouble the influence of civil society intuition on the process.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, институты гражданского общества, взаимодействие органов власти и структур гражданского общества, оценка эффективности участия гражданского общества в государственном и муниципальном управлении.

Key words: state and municipal administration, civil society institutions, public participation, social participation development indicators, collaboration between government authorities and civil society organizations, effectiveness assessment of social participation in public administration.

Существенной характеристикой современного этапа модернизации российского общества становится переосмысление сложившихся парадигм государственного и муниципального управления. Речь идет о принципиальном обновлении понимания социальной обусловленности процесса, его роли и эффективности, оценки мотивов и стимулов субъектов и объектов управленческой деятельности. Анализируя сложившуюся ситуацию в системе управления, можно констатировать наличие двух основополагающих тенденций. Первая предполагает расширение и усложнение задач государственного и муниципального управления вследствие необходимости регулировать становление новой системы социально-экономических отношений; обеспечивать баланс и согласование интересов различных социальных групп; ограничивать влияние деструктивных факторов, снижающих результативность и социальную эффективность общественных связей. Вторая тенденция реализуется в постепенном сокращении директивного начала в управлении, усилении самоуправленческих механизмов, обеспечении общественного участия в разработке и принятии социально значимых решений. Учитывая, что объектом управления является общество переходного периода, принципиальное значение имеет рассмотрение сущности и содержания государственного и муниципального управления как системы и как процесса. Такой подход позволит ответить на ряд вопросов, раскрывающих предметную область участия гражданского общества в управленческой деятельности.